

Культура современности

ОБОЗРЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

Знаменательный спор на берегах Темзы

Видный английский писатель, автор ряда романов, Чарльз Сноу весьма часто и охотно ссылается на свои давние и дружеские связи не только с литературой, но и с наукой, в которой он, по его собственным словам, никак не может быть назван новичком.

«По образованию я ученый, по призванию писатель,— подчеркивает Сноу...— Я занимался научной деятельностью в Кембридже в то время, когда этот университет жил особенно активной научной жизнью... В течение 30 лет я связан с учеными не только из любознательности, это являлось частью моей работы. В течение этих же 30 лет я пытался создавать книги, которые впоследствии и помогли мне оказаться в среде писателей».

Имея близких друзей и среди писателей, и среди ученых, все время общаясь и с теми, и с другими, Сноу, как он сам пишет, «натолкнулся на проблему», которая была им названа «проблемой двух культур».

Речь идет о том, что представители двух важнейших групп английской буржуазной интеллигенции — ученые и деятели культуры (в частности, ученые-физики и писатели), принадлежат к одной и той же национальности, получая примерно одинаковые доходы, представляя одни и те же социальные круги, «почти совсем перестали общаться друг с другом». Разобщенность эта столь велика, что, как выражается Сноу, при переходе из среды писателей в среду ученых, создается впечатление, что «вы пересекли океан».

Сноу — надо ему отдать справедливость — находит достаточно выразительные слова для обрисовки столь драматической ситуации.

«Я считаю,— подчеркивает он,— что интеллигенция в странах Запада все явственнее распадается на две полярно противоположные группы. Говоря об интеллектуальной жизни, я включаю в это понятие большую часть нашей практической жизни, ибо я совершенно не считаю, что интеллектуальную и практическую жизнь можно, серьезно говоря, отделить друг от друга... Итак, две полярно противоположные группы: на одном полюсе литературная интеллигенция, на другом — ученые, в частности ученые-физики, наиболее полно представляющие современную науку. А между этими двумя группами море взаимного непонимания — иногда (особенно среди молодежи) даже враждебность и отрицательное отношение друг к другу, но, главным образом, отсутствие взаимопонимания. И у тех и у других — до странности искаженное представление друг о друге. Их взгляды настолько различны, что даже в области чувств у них мало общего... Те, кто не принадлежит к ученым, представляют себе, что ученые — это мелкие оптимисты, которые ничего не знают об условиях жизни человека. С другой стороны, ученые убеждены, что литературная интеллигенция — это люди, абсолютно лишенные дара предвидения, абсолютно не заинтересованные в судьбах других людей, личности антиинтеллектуальные в глубоком смысле этого слова...»

Один крупный ученый, имени которого Сноу не называет, как-то довольно едко и зло, хотя и вполне искренне спросил у него:

«Почему большинство писателей придерживается социальных взглядов, которые могли бы считаться старомодными еще во времена Плиниуса? Разве это не справедливо относительно большинства знаменитых писателей XX века?.. Разве взгляды девяти из десяти писателей, властвующих над литературным сознанием нашего вре-

меня, были не только политически близорукими, но и политически порочными? Разве их влияние и влияние всего того, что они собой представляли, не приблизило собой Освенцим?»

Следует отметить: Сноу, выслушав эту жестокую и во многом справедливую филиппику ученого, счел возможным лишь указать на то, что влияние этих писателей сейчас в значительной степени ослабло, и добавил, что литература в современной Англии меняется гораздо медленнее, чем наука.

Стараясь хоть как-то объяснить создавшееся положение, Сноу пытается найти к нему «ключ», исходя из того, что вражда между «двумя культурами» объясняется враждой писателей-неудачников с учеными, которым сейчас везет.

«Раскол между учеными и представителями гуманитарной культуры среди молодежи гораздо острее, чем тридцать лет назад, и теперь перебросить мост между ними трудно,— замечает Сноу.— Уже тридцать лет назад эти две культуры не разговаривали друг с другом, но они хотя бы обменивались на расстоянии застывшей улыбкой. Теперь вежливость исчезла и остались только гримасы... Молодые ученые чувствуют, что они являются частью той культуры, которая находится на подъеме, в то время как другие представители интеллигенции — часть той, которая катится вниз... Ни один молодой ученый, обладающий талантом, не может воспринимать свою работу как нечто ненужное или смешное, подобно герою романа «Счастливчик Джим». И фактически недовольство Эмиса и тех, кто к нему примыкает,— это неудовлетворенность не находящих себе должного применения специалистов в области искусства и гуманитарных наук...»

Сам Сноу не согласен ограничиваться одной лишь констатацией этих фактов, хоть они и кажутся ему бесспорными. Он готов заняться поисками выхода из положения, каковое он считает в высшей степени драматическим и чреватым крайне нежелательными последствиями. Здесь в качестве панацеи от всех зол он предлагает различные средства. Одним из них, по мнению Сноу, является «освоение науки искусством».

«Удивительно, насколько мало наука XX века освоена искусством XX века, — сокрушается Сноу. — Иногда встречались поэты, которые сознательно употребляли научные термины, и все

неправильно... Не таким образом наука должна оказывать положительное воздействие на искусство. Наука должна осваиваться как неотъемлемая часть всего нашего умственного опыта. И должна так же естественно входить в искусство, как и все остальное. Я уже говорил, что это разделение культур — явление не только английское. Оно существует во всем западном мире. Но, пожалуй, наиболее остро оно чувствуется в Англии».

До сих пор, по мнению Сноу, гуманитарная интеллигенция Запада относилась с презрением и робостью и к науке, и к промышленной революции. Ибо литературная интеллигенция, как он подчеркивает, по природе своей принадлежит к «разрушителям машин» — луддитам. Можно было бы здесь пойти дальше и сказать, что находящаяся на содержании у буржуазии гуманитарная интеллигенция относится с ненавистью и страхом также и к социальной революции. Но Сноу от этого воздерживается.

Продолжая свою мысль о «луддитских» настроениях английских литераторов, Сноу пишет:

«Трудно найти писателя высокого класса, который мог бы увидеть уродливые окраины, дымящиеся трубы и в то же время перспективы жизни, открывающиеся для бедных,— жизни, до тех пор не доступной никому, кроме счастливых. Возможно, некоторые из русских романистов XIX века сумели бы это понять; их взгляды были достаточно широки. Но они жили в доиндустриальном обществе».

Что касается писателей СССР и их отношения к науке и промышленной революции, то здесь, по мнению Сноу, положение совершенно иное.

«В Советском Союзе глубже понимают научную революцию, чем у нас или в Америке. Разрыв между культурами там совсем не столь велик, как у нас. Если почитать современные советские романы, то убеждаешься, что романист вправе рассчитывать на то, что средний читатель (а мы на это не можем рассчитывать) обладает хотя бы элементарными знаниями в области промышленности. Чистая наука не часто встречается в советских романах... Но техника занимает немалое место в беллетристике. Инженер в советском романе — фигура, по-видимому, столь же законная, как психиатр в американском. Советские писатели готовы изображать в художественном произведении производственный процесс так же, как Бальзак изо-

бражал ремесла... Возможно, имеет значение то, что в этих романах читатель постоянно встречается со страстной верой в образование».

Образование... Современный уровень его развития в Англии и составляет, по мнению Сноу, корень зла, порождающего полное непонимание и глухую вражду двух культур. Дело не в том, что Англия в области профессионального технического образования количественно отстает от таких стран, как США и особенно СССР.

Дело, как полагает Сноу, в том, что в широких кругах английской гуманитарной интеллигенции отсутствует достаточно уважительное отношение к лицам, представляющим мир науки и техники.

Так полагает Сноу. И потому весьма решительно звучит его заключительное предупреждение:

«Во имя интеллектуальной жизни и помня, что Англия находится в особой опасности, во имя западного общества, которое наслаждается непрочным богатством среди бедности, во имя бедных, которые не должны быть бедными, необходимо, если в мире найдется достаточно разума, чтобы мы, и американцы, и весь Запад взглянули на наше образование новыми глазами. Именно в этой области мы и американцы можем очень многому научиться друг у друга, и мы и американцы должны многому поучиться у русских, если не окажемся слишком горды... Между прочим, русские могут многому научиться и у нас».

Все изложенные выше мысли Сноу, взятые нами из его лекции, озаглавленной «Две культуры и научная революция», вызвали весьма оживленный и даже раздраженный обмен мнениями в Англии. Характерно, однако, что камень, брошенный Сноу в «тихую заводь» современной английской литературы, не вызвал отклика ни у одного действительно крупного писателя, все они отмолчались. Зато горячо откликнулись представители «противоположной культуры» — от видных ученых и до преподавателей провинциальных колледжей.

Часть высказываний в адрес Сноу, если их суммировать, представляет собой достаточно красноречивый обвинительный акт против «высоколобых хранителей культуры» и снобизма сегодняшней литературной Англии.

«Будущее не принадлежит литературе, которая пользуется признанием сейчас, — пишет преподаватель из Кемб-

риджского университета Пламб в журнале «Энкаунтер». — Помимо литературного мастерства наши известные писатели не обладают почти ни одним из тех качеств, которые необходимы большому писателю, — здоровой и многогранной натурой, способностью воспринимать оттенки человеческих настроений (причем не одну только тоску), всепоглощающей, ненасытной и не замутненной предрассудками жаждой постигать людские характеры и многообразие человеческих поступков.

...Любая литература, предпочитающая Кафку Бальзаку, обречена на забвение и заслуживает его».

Аналогичная оценка состояния современной английской буржуазной литературы встречается и в ряде других выступлений, направленных, по сути дела, против стремления Сноу возложить ответственность за существование антагонизма между «двумя культурами» в равной степени и на литераторов и на ученых. Так Уолтер Аллен на страницах «Энкаунтера» подчеркивает, что наблюдаемый у современных буржуазных писателей «страх перед наукой очень родствен тому страху перед массами, который так сильно ощущается в викторианской литературе».

Известный ученый Бертран Рассел, сравнивая век нынешний и век минувший, приходит к следующим выводам:

«Пропасть между наукой и культурой сейчас больше, чем когда-либо прежде. Во времена Карла II она не существовала вовсе, в начале XIX века все еще было много мостов, соединивших две эти территории».

По мнению Рассела, проблема «двух культур» возникает и усиливается, в частности, благодаря снобизму и презрительному отношению к науке, которыми сегодня проникнуты определенные английские круги, выступающие в качестве «законодателей вкусов» и в литературе.

«Боюсь, что как нация, — пишет Рассел, — мы скорее согласимся потерять все, чем пожертвовать хоть одной каплей снобизма».

До известной степени вторя Расселу, знаменитый физик Дж. Кокрофт считает, что свойственный многим английским литераторам высоколобый и псевдоаристократический снобизм

«затрудняет для наших политических руководителей понимание того, как нужно поступать, чтобы мы смогли удержаться на ногах».

Уже из этих высказываний видных представителей английских научных кругов ясно, что они пытаются выйти за пределы той системы аргументов, к которым обычно прибегает и сам Сноу. Так, в единодушных обвинениях в снобизме и презрительном отношении к науке, выдвинутых Расселом и Кокрофтом против писателей, содержится своеобразный, хотя и весьма слабо выраженный намек на то, что во всем повинны также и те, кто «платит музыкантам» и, следовательно, «заказывает музыку», то есть правящие круги современной Англии.

Еще более определенно те же мотивы звучат в других выступлениях, хотя их авторы отнюдь не отличаются чрезмерной

радикальностью взглядов и вовсе не склонны к «потрясению основ». Уже упоминавшийся нами Пламб прямо указывает, что Сноу совершенно игнорирует «социальный процесс, продолжающийся уже полвека», и что в основе раскола, который «открыл» Сноу, лежат не специфически культурные, а глубоко социальные причины.

Сколь бы ни были противоречивы как доводы самого Сноу, так и аргументы его многочисленных гневно настроенных оппонентов, ясно одно: сама дискуссия, возникшая между ними, свидетельствует о подспудном, но от этого не менее серьезном кризисе, охватывающем всю духовную жизнь современной буржуазной Англии.

Лженоваторство и действенность литературы

Статья, о которой пойдет речь, помещена во влиятельной западногерманской газете «Вельт» и снабжена многозначительным подзаголовком — «Не допускайте переоценки: об одной новой «моде» в немецкой литературе». И хотя те мотивы, какими движим ее автор Манфред Деллинг, да и весь ход его рассуждений вряд ли могут быть полностью приняты нами — выводы, содержащиеся в статье, все же привлекают внимание.

Как подчеркивает автор, за последнее время стало ясно, что

«поразительно большое количество молодых западногерманских писателей — и среди них в первую очередь дебютанты — свехусердно предаются всякого рода формальному экспериментаторству».

Указывая на подражательность такого рода формалистических увлечений в творчестве молодых западногерманских писателей и подчеркивая поверхностный, наносный характер этих увлечений, автор статьи в «Вельт» вместе с тем не может не высказать своей крайней озабоченности. И вот почему:

«Писатели многократно и с такой решительной настойчивостью тратят свои усилия на формальные эксперименты, что у них явно не хватает сил поразмыслить ни над качеством своих искусственно сфабрикованных творений, ни над их содержанием».

Далее автор статьи довольно откровенно и притом с явной иронией пишет:

«Взаимосвязь формы и содержания совершенно игнорируется, и какая-нибудь незначительная история изо всех сил раздувается с помощью технически изощренных изобразительных средств, нарочитой затемненности, внутренних монологов и т. п. Но такого рода приемы еще не делают книгу ни значительной, ни новаторской. Панически боясь казаться несовременными, такого рода писатели оказывают современности медвежью услугу. Ведь всем их умствованиям явно недостает ума».

При создавшейся в западногерманской литературе весьма симптоматичной ситуации, особенно опасной — по мнению автора статьи — становится угроза чересчур благожелательной оценки книг, построенных на основе формалистического экспериментаторства.

«Поскольку «нереалистическую» книгу... несравненно труднее понять и оценить, чем книгу «реалистическую», — читаем далее в статье, — и поскольку люди особенно неохотно проявляют свою некомпетентность как раз в области модернистского искусства — они предпочитают, будучи неуверенными в своих суждениях, утверждать, что роман «очень интересен», «заслуживает быть отмеченным», «талантливо написан», не упоминая вовсе о том, что он ничего им не сказал — или даже что он вообще совершенно незначителен».

Всячески возражая против точки зрения, будто приверженность к формальному эксперименту и к модернистской манере письма, идущей от Кафки, Джойса и